

УДК 81'374.822

DOI: 10.17223/22274200/16/3

В.И. Карпов, Д.О. Добровольский, В.А. Нуриев

К ВОПРОСУ О ТИПАХ ИНФОРМАЦИИ В ДВУЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ

Описываются типы лексикографической информации, которые следует учитывать при составлении двуязычного словаря. В первой части рассмотрены отдельные аспекты современной лексикографии и их применимость к двуязычным словарям. Во второй части обсуждается положение об отсутствии полной межъязыковой эквивалентности в области лексической семантики. На примере «Немецко-русского словаря актуальной лексики» проанализированы типы лексикографической информации, специфичные для двуязычных словарей.

Ключевые слова: двуязычная лексикография, типы информации, межъязыковая эквивалентность, немецкий язык, русский язык.

I. Лексикографическая практика тесно связана с лингвистической теорией, поэтому словарная работа должна опираться не только на анализ языковых данных, но и учитывать накопленный опыт в описании языка и осмыслении взаимосвязи его отдельных подсистем. Современная лингвистическая теория характеризуется интересом к полной инвентаризации языковых фактов и их объяснению, в то время как на предыдущих стадиях своего развития лингвистика занималась моделированием механизмов языка. Словарь стал сейчас «самым популярным жанром лингвистической литературы» [1. С. 13]¹.

Лексикография как лингвистическая дисциплина изучает влияние современных словарей на лингвистическую компетенцию их пользователей [2. С. 243]. Один из результатов развития лексикографии – уточнение типологии словарей в зависимости от целевой аудитории, что отражается на типах и объеме информации, представленной в том или ином словаре. На эту взаимосвязь указывали А. Рей и С. Делесаль, которые считали, что современный словарь может содержать один из двух возможных типов описания объекта в зависимости от той реальности, на которую ориентируется составитель: словарь либо строится как описание лекси-

¹ Хотя с момента публикации работы [1] прошло уже более пятнадцати лет, эта тенденция сохраняет свою актуальность.

ческого компонента языковой системы, либо рассчитан на изучение действия этой системы в различных сферах ее употребления [3. С. 264–265]. В первом случае говорят о словарях системы или ее элементов (толковые или академические словари), во втором – о словарях употреблений (словари активного типа). Некоторые лингвисты считают, что можно объединить оба направления, создав динамический дискурсивный словарь¹.

Аналогичной точки зрения придерживается Ш. Энгельберг, который ставит вопрос, в каком направлении следовало бы работать лексикографам, чтобы соответствовать ожиданиям современного общества в отношении словарной продукции. По его мнению, лингвистически адекватный, отражающий современное языковое состояние словарь должен быть динамическим, учитывающим как лексические, так и грамматические аспекты во всем их многообразии, а также количественные параметры: употребительность, количественное распределение лексических единиц в речи, зависимость лексической вариативности от типов текста и способов репрезентации лексики, вовлеченность речевых образцов и воспроизводимых конструкций в зону взаимодействия словообразования, лексики и грамматики [2. С. 247–250].

В отечественной лексикографии предпринимаются попытки создать такой тип словаря, который отражал бы сложные динамические процессы в лексической системе литературного языка последних десятилетий, те исторические изменения, которые существенно повлияли на его словарный состав. Так, например, методологической основой лексикографических работ Г.Н. Складневской является установка на описание «динамических языковых процессов, которые традиционно остаются за рамками известных академических словарей» [5]. Разработанная автором «концепция живого литературного языка» предполагает, что на разных этапах языковой эволюции лексическая система обладает разной степенью устойчивости по отношению к внешним факторам. Этот подход предусматривает учет тех групп лексических единиц, которые относятся к самым активным в речи современных носителей языка, особенно в эпоху социально-экономических и политических перемен [6. С. 121].

В разных странах лексикография существенно продвинулась в области описания служебных, дискурсивных и полифункциональных слов. Сравним в первую очередь двухтомный словарь немецких кон-

¹ См., например: [4. С. 82–83].

некторов, подготовленный в Институте немецкого языка в Мангейме: «Handbuch der deutschen Konnektoren», первый том которого посвящен синтаксическим аспектам функционирования этих лексических единиц, [7], а второй – семантике [8]. Описание такого рода существенно помогает в представлении немецких коннекторов в двуязычном словаре, однако ему должно предшествовать теоретическое осмысление сопоставительных аспектов синтаксиса и семантики этих единиц. Подобный опыт лексикографической работы имеется и во французской академической лексикографии: ср. второе издание словаря современных французских коннекторов – «A Dictionary of Contemporary French Connectors» [9], составленное Джеймсом Гривом.

Важное событие последних лет в немецкой академической лексикографии – появление словаря немецких частиц «Wörterbuch deutscher Partikeln» [10], составленного Рене Метришем и Эженом Фоше. Словарь содержит, наряду с подробным описанием значения и особенностей функционирования немецких частиц, отсылки к французским частицам, выполняющим сходные функции. Однако в точном смысле этот словарь двуязычным не является. Таким образом, и задача лингвистически приемлемого описания немецких частиц в двуязычной лексикографии до сих пор остается нерешенной.

Наиболее значимыми исследованиями в отечественной лексикографии являются работы Ю.Д. Апресяна. Базовыми для словаря любого типа представляются разработанные им общие принципы: принцип интегрального описания языка (т.е. описания, при котором словарь настроен на грамматику, а грамматика – на словарь) и принцип системности (см., в частности, [11. С. 41–56]). Эти принципы сформулированы, прежде всего, в отношении одноязычных толковых словарей, однако они в полной мере применимы и к двуязычным словарям. Так, в соответствии с принципом интегрального описания языка, любой случай, когда грамматическое поведение лексемы не подчиняется регулярным и продуктивным правилам, должен фиксироваться в словарной статье. Применительно к двуязычным словарям добавляется момент несовпадения особенностей синтаксического поведения сопоставляемых единиц двух языков [12. С. 36].

Решение указанных задач осложняется тем, что составителям следует принимать во внимание разные установки пользователей в зависимости от того, носителями какого языка (исходного языка L1 или принимающего языка L2) они являются [13, 14]. Особо остро стоит

вопрос инвентаризации типов лексикографической информации. Если сегодня имеется достаточно ясное представление о том, какие типы лексикографической информации должны содержаться в толковых словарях, очевидной становится задача адаптации этих принципов для двуязычных словарей. Важно, что специфика двуязычного словаря требует учета не только особенностей исходного языка L1, но и языка L2. Соответственно, типы информации для двуязычного словаря не могут быть идентичными типам информации для одноязычного толкового словаря. Объем лексикографической информации определяется не в последнюю очередь тем, на кого ориентирован двуязычный словарь. Так, если говорить о двух языках на примере русского и немецкого, то нужно иметь как минимум четыре словаря:

- (а) Немецко-русский для носителей русского языка;
- (б) Немецко-русский для носителей немецкого языка;
- (в) Русско-немецкий для носителей русского языка;
- (г) Русско-немецкий для носителей немецкого языка.

Традиция такого деления двуязычных словарей восходит к идеям Л.В. Щербы, который при описании разных типов словарных изданий отмечал, что если в толковом «словаре под каждым фонетическим словом обязательно должен быть дан исчерпывающий и точный перечень понятий, с ним соединенных» [15. С. 283], то в двуязычных словарях объем информации в левой и правой частях словарной статьи зависит от тех специальных целей, которым этот словарь служит [Там же. С. 298–299]¹. Для целей нашего исследования, представляющего собой теоретическую базу проекта по созданию «Немецко-русского словаря актуальной лексики», релевантным является словарь типа (а), ориентированный на русскоязычных пользователей.

II. Активно обсуждаемое в научной литературе последних лет положение об отсутствии полной межъязыковой эквивалентности не только в сфере грамматических категорий, но и в области лексической семантики, нашло отражение в разрабатываемой М. Хаспельма-

¹ Исключение составляют переводные толковые словари, которым Щерба уделяет особое внимание в своих работах. Так, говоря о переводных (двуязычных) словарях, он призывал учитывать тот факт, что «для всякой пары языков нужно четыре словаря – безусловно два толковых иностранных словаря с объяснениями на родном языке пользующегося данным словарем и в зависимости от реальных потребностей – два переводных словаря с родного языка на иностранный специальный тип» [15. С. 303–304].

том концепции [16], согласно которой сопоставление лексических единиц разных языков должно осуществляться не «напрямую», а посредством так называемых компаративных концептов (comparative concepts). Когда лексическая единица языка L1 сопоставляется с некой лексической единицей языка L2 (а именно такое сопоставление ожидается от двуязычного словаря), результатом практически никогда не оказывается отношение «один к одному». В большинстве случаев это отношение «один к нескольким», «несколько к одному» или даже «несколько к нескольким», причем соответствующая единица языка L1 не всегда в таких случаях многозначна.

Концепция М. Хаспельмата учитывает игровую функцию языка (об этом см. также, например, [17. С. 371–373]), когда человек по мере своего развития целенаправленно осваивает игровое экспериментирование с разными функциональными вариантами для оформления в речи отдельно взятого информационного сообщения. Чтобы определить степень функциональной равноценности, каждый вариант на стадии доречевой реализации оценивается субъектом речи на предмет соответствия грамматическим правилам – во-первых, и принципу коммуникативно-стилистической целесообразности – во-вторых [18. С. 146].

Понятие функциональной равноценности разных вариантов имеет принципиальную важность для двуязычной лексикографии. Некоторая описываемая единица языка L1 и соответствующие ей единицы языка L2 находятся в отношениях функциональной эквивалентности и потому могут быть названы функциональными вариантами. Здесь очевидны параллели с понятием функционально эквивалентных фрагментов, введенным в статье [19. С. 266]: «Для решения собственно лингвистических задач (в первую очередь, в области сопоставительной лексикологии и двуязычной лексикографии) важны отношения типа *слово – слово*, *слово – словосочетание*, *словосочетание – слово*. Такие пары могут быть названы *функционально эквивалентными фрагментами* [здесь и ниже курсив автора. – В.К., Д.Д., В.Н.] (ФЭФ). Типовая задача пользователя может быть сформулирована так: *Извлечь все случаи употребления слова L (в оригинале) и его ФЭФ (в переводе)* [курсив автора. – В.К., Д.Д., В.Н.]». Функциональная эквивалентность, как видно из определения, трактуется, исходя из конкретных исследовательских нужд: авторы, раскрывая понятие, в значительной степени апеллируют к процедурам корпусного метода. Функциональный принцип эквивалентности, таким образом, заключа-

ется в том, чтобы считать равноценным вариантом единицы языка L1 соположенную ей в переводном тексте единицу языка L2, выполняющую сходную функцию. Этот принцип имеет чрезвычайную важность при отборе материала для оформления иллюстративных примеров в двуязычном словаре.

Например, немецкий глагол *beleidigen* в своем основном значении соответствует то русскому глаголу *обидеть*, то *оскорбить*. Точно так же ведет себя глагол *kränken*, что хорошо видно по материалам параллельных корпусов. Если двуязычный словарь ограничится указанием на то, что и *beleidigen*, и *kränken* соответствуют русским *обидеть* и *оскорбить*, возникнет впечатление, что между *beleidigen* и *kränken* нет никаких семантических различий. Между тем это не так. Проблема в том, что граница между объемом значения *beleidigen* и *kränken* проходит не там, где проходит соответствующая граница между *обидеть* и *оскорбить*¹. В этом случае мы имеем дело с соотношением «несколько к нескольким». Каждый из этих четырех глаголов содержит в своем значении нетривиальные компоненты ‘нанесение урона статусу’ и ‘каузация негативного эмоционального состояния’ (именно они и образуют comparative concepts), которые неравноценны в смысле акцентного выделения. В зависимости от контекстных условий на первый план может выходить то первый (и тогда *beleidigen* скорее оказывается эквивалентным русскому *оскорбить*), то второй из названных компонентов. У *beleidigen* есть как бы два фокуса. В структуре значения глагола *kränken*, в отличие от *beleidigen*, фокус один – он падает на «эмоциональный» компонент. В этом смысле *kränken* ближе русскому *обидеть*, чем *beleidigen*.

В словарной статье эти различия могут быть выражены с помощью комментариев и диагностических иллюстративных примеров, а в случае небольшого по объему словаря – с помощью переводных эквивалентов, которые подчеркивают различия в степени выделенности каждого из семантических компонентов. Для *beleidigen* в первом значении² – это *обижать*; *оскорблять*, *наносить оскорбление*, для *kränken* – *обижать*, *задевать (кого-л.)*. Так это сделано в готовящемся к печати «Немецко-русском словаре актуальной лексики». В словаре

¹ Семантические различия между этими четырьмя глаголами подробно обсуждались в работе [12. С. 112–134].

² У этого глагола есть еще и второе значение: 2. *перен.* *оскорблять (глаз, слух)*; *уязвлять (кого-л. в каком-л. чувстве)*; *diese Musik beleidigt das Ohr* ‘эта музыка режет слух’.

большого объема, естественно, должны быть представлены и более редкие контексты, в которых *kränken* соответствует русскому *оскорблять*.

В целом важно при подборе эквивалентов не ограничиваться прототипическими системными соответствиями, а учитывать весь квазисинонимический ряд, т.е. в данном случае следует принимать во внимание не только *оскорбить*, *обидеть*, но и *задеть*, *ранить* и пр.

Такие случаи пронизывают всю лексическую систему. Следовательно, для составления словаря, соответствующего современным требованиям, необходимо выявить и описать подобные явления и найти адекватные способы лексикографического представления. Решение этой задачи, во-первых, должно учитывать тип словаря в зависимости от целевой аудитории и, соответственно, объем представленной в нем информации, а во-вторых, заставляет искать для каждой группы подобных феноменов некоторый типизированный прием описания, что и диктует необходимость выявления типов лексикографической информации, специфичных для двуязычного словаря. Следование принципу системности в двуязычном словаре требует единообразного описания сходных по сути случаев, причем не только применительно к исходному языку L1, но и к принимающему языку L2.

III. В данном разделе мы рассмотрим те типы лексикографической информации, которые специфичны для двуязычных словарей вообще и для «Немецко-русского словаря актуальной лексики» в частности. В дальнейшем изложении мы используем материал этого проекта. Соответственно, обсуждаются типы лексикографической информации, релевантные именно для данного словаря. Релевантные типы лексикографической информации можно структурировать по аналогии со структурой словарной статьи. Так, структура словарной статьи «Немецко-русского словаря актуальной лексики» в общем случае содержит следующие зоны¹:

- 1) заглавное слово (лемму);
- 2) этимологическую характеристику;
- 3) фонетическую транскрипцию;
- 4) грамматическую характеристику;
- 5) пометы, указывающие на область употребления слова, его стилистическую принадлежность, временные и дискурсивные характеристики и т.п.;

¹ Надо учитывать тот факт, что зоны не совпадают с типами информации: в одной зоне могут содержаться различные типы информации.

- 6) перевод соответствующей лексемы¹;
- 7) комментарий;
- 8) примеры употребления;
- 9) грамматическую фразеологию и
- 10) идиоматику.

Наиболее интересными для обсуждения и значимыми для целей нашей статьи представляются следующие типы информации:

- особенности произношения слова, включая акцентное выделение; фразовое ударение;
- грамматическая характеристика слова;
- деление слова на значения и переводы каждой отдельной лексемы, т.е. межязыковая функциональная эквивалентность и способы ее фиксации.

Произношение. Фонетика приводится только для слов, не поддающихся описанию ни одним из продуктивных правил. Характерным признаком акцентной системы немецкого языка является смена ударений на многих местоимениях и наречиях, в которых ударение варьирует в зависимости от передаваемого оттенка смысла. Это можно продемонстрировать на примере акцентной особенности немецких наречий с общим значением ‘почему’ и ‘потому’. Сравним, например, *deswegen*, *deshalb*, *daher*, *weswegen*, *weshalb* и пр. Обращение к известным немецким словарям оставляет некоторую неясность в вопросе, куда падает ударение в этих столь употребительных и, казалось бы, простых словах. Принять на веру сведения наиболее авторитетных одноязычных немецких словарей почти невозможно. Именно эти слова описываются в лексикографических источниках (например, в словарях серии «Duden» [20] или в DWDS – «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache» [21]) довольно противоречиво. Колебания ударения в этих словах отмечаются, во-первых, непоследовательно, а во-вторых, объясняются исключительно эмфазой. Например, в «Duden online» говорится, что в *weswegen* ударение всегда падает на второй слог (*weswEgen*)², а DWDS считает, что это слово либо несет два главных ударения (*wEswEgen*), либо произносится как *wEswegen*. Наречие *weshalb* описывается как слово с обычным ударением на втором слоге и

¹ Термин *лексема* используется здесь для обозначения слов, употребленных в одном из своих значений.

² Здесь и далее в примерах гласная в ударном слоге пишется с заглавной (прописной) буквы.

с эмфатическим ударением на первом. В некоторых случаях колебания ударения зависят от функции соответствующего слова: употребляется оно как вопросительное местоимение или как союзное слово.

Наблюдения над функционированием этих слов и опрос носителей языка показали, что варьирование ударения в словах данной группы часто имеет семантические причины. Так, *weswegen* с ударением на первом слоге – это просто ‘почему’, а с ударением на втором слоге – скорее ‘из-за чего, для чего’. Сходным образом, *deswegen* с ударением на первом слоге – ‘из-за этого’, а с ударением на втором слоге – ‘поэтому’. Ср. *und dEswegen rufst du mich in der Nacht an?* – *и из-за этого ты мне звонишь ночью?* vs. *er hat versprochen zu kommen, deswEgen müssen wir noch warten* – *он обещал прийти, поэтому мы должны ждать его*.

Часто семантические и коммуникативные факторы (экспрессивное выделение) действуют одновременно. Например, высказывание *sie will abnehmen, dahEr isst sie so wenig* можно перевести на русский язык как *она хочет похудеть, поэтому так мало ест*. А полностью совпадающее с ним по составу предложение *sie will abnehmen, dAher isst sie so wenig*, где ударение в *daher* падает на первый слог, – как *она хочет похудеть, вот почему она так мало ест*. Эти примеры показывают, что в двуязычном словаре колебания ударения можно описать с помощью специфики перевода на русский язык.

В задачи нашего двуязычного словаря входит фиксация значимых черт поверхностного поведения слова, в частности, его способности нести **фразовое ударение**. Это чрезвычайно важно для любого двуязычного словаря, потому что от фразового ударения зависит способ перевода. Кроме того, если для носителя это интуитивно понятно, неносителю, как правило, это необходимо объяснить.

Таким образом, в словарных статьях, описывающих частицы, союзные наречия и некоторые другие лексические единицы, должна приводиться информация об их просодических характеристиках, в частности их способности нести фразовое ударение:

aber I *cj adv* но, а; однако (же); ~ *dennoch* [doch] (но) всё же II *prtc* (не несёт фразового ударения) но... ведь... (же); ну; ~ *ja!* ну конечно!; *das ist* [war] ~ *ein Gewitter!* ну и гроза (была)!; ~ *nein!* да нет же!; ~ *sicher!* безусловно!¹

¹ Здесь и далее в качестве примеров используются фрагменты словарных статей «Немецко-русского словаря актуальной лексики».

Заметим, что при употреблении слова *aber* в качестве частицы фразовое ударение несет слово, непосредственно стоящее после *aber*.

Практическая необходимость указания на фразовое ударение в словарной статье особенно четко видна на примере полифункционального слова *ja*: см. значения 5 и 6 в зоне *II prtc*, содержащей употребления *ja* в качестве частицы.

ja I sent 1. (*положительный ответ на общий вопрос без отрицания*) да; – Kommst du? – ~; Ты придёшь? – Да **2.** (*в сочетании с модальным наречием*) ~ gewiss, ~ sicher да, безусловно; ~ gern да, с удовольствием; о ~!, да, да!, да, конечно!; aber ~ doch! ну конечно же!, а как же!, а как же иначе! **3.** (*с вопросительной интонацией – при ответе по телефону*) да?; алло; ~ bitte? да?, слушаю *II prtc 1.* да, ведь (*часто в сочетании с же, -то, а также с частицей и*); же, -то; и правда, действительно; das glaubst du ~ selbst nicht (да) ты же ведь сам [ты ведь и сам-то] не веришь в это **2.** и правда; (о) да (*часто в сочетании с частицей ж*); es schneit ~ и правда, снег; du hast ~ einen Fleck auf dem Hemd! да у тебя (ж) пятно на рубашке! **3.** итак, что же [ж], н-да; ах да; ~, nun wollen wir anfangen! итак, давайте начнём!; ~, das weiß ich nicht н-да, этого я не знаю **4.** -то; конечно; der Wagen ist ~ schön, aber viel zu teuer машина, конечно, [машина-то] замечательная, но уж слишком дорогая **5.** (*несёт фразовое ударение*) смотри (у меня) (*с императивом*); только, (только) ни в коем случае (*с отрицанием*); zieh dich ~ warm an! смотри, оденься потеплее!; erzähle ~ nichts weiter! смотри (только), никому не рассказывай! **6.** (*несёт фразовое ударение*) вправду, действительно, в самом деле, уверен, что...; frag sie, ob auch ~ alles in Ordnung ist спроси её, действительно ли всё в порядке.

Грамматическая характеристика слова. Одной из проблем сопоставительного описания языков является несовпадение особенностей грамматической традиции выделения частей речи в разных языках. Следует оговорить, что данная проблема имеет принципиальное значение именно для двуязычной лексикографии, в одноязычном словаре, ориентированном на «местную» устоявшуюся грамматическую традицию, такая проблема, как правило, не возникает. Так, вопрос о принадлежности единиц к наречиям или частицам в русской и немецкой грамматиках решается по-разному. Морфологические критерии в этом случае представляются трудно применимыми, поэтому используются функциональные критерии, с помощью которых выявляется корреляция между позицией слова в предложении и его функцией в речи. По-

сколько наречия в отличие от частиц занимают или потенциально могут занимать инициальную позицию в предложении, а также употребляться самостоятельно в качестве реплик в ответ на вопрос, то этот критерий лежит в основе частеречной идентификации единиц при их описании в двуязычном словаре.

В частности, немецкое слово *kaum* – это, с одной стороны, наречие, в том числе сентенциальное, а с другой – союз. В рамках *kaum*-наречия выделяется значение наречия степени, в сфере действия которого находится определенная часть высказывания (*kaum älter als ich*), и значение сентенциального наречия, модифицирующего всю пропозицию (*sie wird jetzt noch kaum kommen*). Что касается употреблений *kaum* в функции союза, то оно служит соединению двух клауз сложного предложения. В качестве альтернативного представления контекстов типа *kaum hatte ich mich hingelegt, als auch schon das Telefon klingelte* можно было бы предложить нечто вроде двойного союза *kaum... als...* с союзом *kaum* в главном предложении и союзом *als* в придаточном времени. Против такого описания говорит возможность перефразирования подобных высказываний: *kaum hatte ich mich hingelegt, da klingelte schon das Telefon*, где вместо гипотаксиса имеет место паратаксис.

Этот простой пример показывает, сколько различных факторов следует учесть, чтобы непротиворечиво объяснить, почему в контекстах одного типа слову *kaum* соответствует русское *почти не*, в других – *едва ли* или *вряд ли*, а в третьих – *как только*.

kaum I *adv* 1. почти не, едва (ли); ich kenne sie ~ я её почти не знаю; er ist ~ älter als ich он едва ли старше меня 2. еле-еле, едва, с трудом; das ist ja ~ zu glauben в это верится с трудом; die Kinder konnten es ~ erwarten детям не терпелось; ich kann es ~ erwarten жду-не дождусь (чего-л.) 3. *adv sent* едва ли, вряд ли; sie wird jetzt ~ noch kommen теперь она уже вряд ли придёт; *т.ж. в качестве самостоятельной ответной реплики* „Kaum“, antwortete ich. – Едва ли, – ответил я. □ **wohl** ~ вряд ли II *conj* (вводит *тк. первую составляющую сложного предложения*) едва, как только; ~ hatte ich mich hingelegt, als auch schon das Telefon klingelte только я прилёг, как (тут же) зазвонил телефон¹.

¹ Подробный семантический анализ русских слов *едва* и *еле*, близких немецкому *kaum*, содержится в [22, 23].

Словарные статьи большинства глаголов содержат указание на их переходность (*vt*) или непереходность (*vi*), что одновременно служит показателем части речи. При безличных глаголах дается помета *vimp*, а при модальных – помета *vmod*. В одноязычных словарях переходность, как правило, не маркируется, однако для двуязычного словаря такая помета очень важна, так как она объясняет пользователю разницу в переводе глагола на русский язык, например:

ablenken I *vt* отводить; отклонять; den Verdacht von sich (*D*) ~ отвести подозрение от себя II *vi* переводить разговор на другую тему; er lenkte schnell ab он быстро переменял тему III **sich** ~ отвлечься, развлечься, развеяться

Сентенциальные наречия типа *vielleicht*, *wahrscheinlich* (называемые – в соответствии с русской лингвистической традицией – также вводными словами; ср. традиционное для германистики понятие Satzadverb) отмечаются пометой *adv sent*¹. Операционально сентенциальные наречия определяются по сфере действия отрицания: если в повествовательном предложении наречие может находиться за пределами сферы действия отрицания, значит это *adv sent*. Для категоризации наречий с плавающей сферой действия решающим фактором оказывается типичность соответствующих употреблений.

В отдельную субкатегорию выделяются также наречия степени (*adv grad*). Наречия степени принадлежат к большой группе языковых средств, модифицирующих степень интенсивности проявления признака, и могут рассматриваться как отдельный вид шкалирующих слов. По некоторым параметрам наречия этого типа похожи на фокусирующие частицы, и в немецкой лингвистической традиции они описываются как частицы, что для носителя русского языка интуитивно неприемлемо.

Союзные наречия (Konjunkionaladverbien – сокр. *cj adv*) – в отличие от местоименных – представляют собой гетерогенную группу, ср. *demnach*, *ferner*, *hingegen*, *schließlich*. Союзные наречия, как и союзы, имеют соединительное значение. Но в отличие от союзов, они скорее устанавливают смысловую связь с определенными элементами предшествующего текста и, как правило, не привязаны к первой позиции в предложении, т.е. синтаксически они ведут себя как наречия.

¹ Эти и другие грамматические пометы приводятся в соответствии с системой нотации, принятой в «Немецко-русском словаре актуальной лексики».

Важным элементом грамматической характеристики слова является указание на все случаи отклонения от регулярных правил словоизменения (**дефектность парадигмы**). Для некоторых слов характерен запрет на образование определенных грамматических форм в том или ином конкретном значении. Так, глагол *uraufführen* может употребляться только в формах инфинитива и причастия II:

uraufführen *отд. vt (употр. тк. в inf и part II)* ставить впервые (*пьесу*), показывать премьеру (*какой-л. пьесы*); впервые демонстрировать (*фильм*); впервые исполнять (*музыкальное произведение*).

У глагола *überlaufen* в значении ‘осаждать (кого-л.), не давать покоя, надоедать, досаждать (советами, просьбами); обивать (чью-л.) пороги’ возможна только форма страдательного залога: *wir werden hier von Vertretern überlaufen* – у нас здесь нет продыху от коммивояжеров.

Приставки некоторых глаголов ведут себя то как отделяемые, то как неотделяемые. Так, у глагола *überbewerten* во всех формах приставка *über* не отделяема, а в инфинитивной конструкции с *zu* – отделяема:

überbewerten *неотд. (отд. тк. в форме zu + inf: überzubewerten)* *vt* переоценивать, слишком высоко оценивать (*тж. перен.*).

Для немецких морфологически неизменяемых полифункциональных слов характерна **грамматическая омонимия**, т.е. одно и то же слово оказывается представителем различных частей речи, и отражение омонимии такого рода в словаре необходимо, поскольку объясняет как синтаксическое поведение данного слова, так и то, почему оно столь различно переводится на русский язык в контекстах разных типов (ср. выше пример фрагмента словарной статьи *kaum*).

Деление на значения и их переводы. Деление на отдельные значения при внесении в словарь многозначного слова представляет собой одну из самых сложных проблем современной лексикографии, поскольку ее решение зависит от многих – часто разнонаправленных – факторов.

В работе [24] был предложен оригинальный подход, направленный на создание нового типа словарей, структурированных по принципу паттерна, где эта проблема решается нетривиальным способом. Авторы предлагают рассматривать представленные в одноязычных словарях дефиниции не как собственно значения, а лишь как «потенции значений». Иначе говоря, значение является сущностью событийного порядка, которая «активируется» под давлением контекста, влияюще-

го на потенции значений каждого слова или словосочетания в данном контексте [24. С. 27]. Данный подход опирается на грамматику паттернов (см., например, [25–27]) и грамматику конструкций (см., например, [28, 29]), где один из основных постулатов заключается в том, что смысл высказывания создается не только на основе его синтаксической формы и входящих в него слов, но и семантики составляющих его конструкций. В словаре паттернов, согласно П. Хэнксу и Дж. Бредбери, формировать словарную статью необходимо, исходя из 1) лексических паттернов (коллокаций), 2) синтаксических паттернов (валентности слова), и фиксировать только факты языка, относящиеся к сфере нормы и узуса. Создание такого словаря невозможно без корпусного анализа, который помогает на обширном текстовом материале выявить ко-окуррентные слова, воспроизводимые вместе на регулярной основе, т.е. коллокации. Также по корпусным данным происходит проверка валентных возможностей слова. Данный подход в значительной степени опирается на «Теорию норм и эксплуатационных сдвигов» (Theory of Norms and Exploitations, см. подробнее в [30]), где ее автор, П. Хэнкс, последовательно доказывает, что языковой факт, не вошедший еще в нормативное или узусальное обращение, представляет собой результат эксплуатационного сдвига, возникшего на основе определенного паттерна, и не должен приниматься лексикографом во внимание.

Необходимость производить корпусный анализ и учитывать воспроизводимость той или иной конструкции в речи при формировании словарной статьи не вызывает сомнения. Однако следует заметить, что П. Хэнкс в разработке словаря паттернов работает в рамках одноязычной лексикографии, т.е. ориентируется на одноязычные словари¹. Очевидно, что, например, немецко-русский словарь, предназначенный для носителей русского языка, должен в первую очередь учитывать потребности своего пользователя и иметь несколько иное функциональное наполнение. Здесь отдельные значения многозначных слов выделяются как на основе их лингвистически значимых различий в немецком языке (различия в значении, сочетаемости, управлении, образовании множественного числа и т.п.), так и на основе специфики их перевода на русский язык. Например, слово *nämlich*, со-

¹ Паттерны, в понимании П. Хэнкса, учитываются хорошими словарями (в том числе двуязычными) в форме моделей управления и примеров, показывающих типичную сочетаемость.

гласно корпусным данным, имеет в одних контекстах функциональный эквивалент *дело в том, что*, в других – *а именно*, а в третьих – *вот, знаешь*. Сравним примеры из русско-немецкого и немецко-русского параллельных корпусов НКРЯ [31]:

nämlich ≈ *дело в том, что*

- *Дело в том, что* после того рокового взрыва во мне открылась одна способность (В. Сорокин. Путь Бро).

- Schon kurz nach der verhängnisvollen Explosion, als ich taub und mit Gehirnerschütterung im Bett lag, hatte ich *nämlich* ein Talent an mir entdeckt.

nämlich ≈ *а именно*

- Был один пункт, даже всех поразивший в речи защитника, *а именно* полное отрицание существования этих роковых трех тысяч рублей, а стало быть и возможности их грабежа (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (ч. 3, 4) (1878)).

- Es gab in der Rede des Verteidigers einen Punkt, der alle überraschte – *nämlich*, daß er die Existenz dieser verhängnisvollen dreitausend Rubel und somit auch die Möglichkeit ihres Raubes vollkommen bestritt. [Die Brüder Karamasow (3, 4. Teile). Fjodor Dostojewski (Hermann Röhl, 1924).

nämlich ≈ *вот, знаешь*

- это вот что... это есть такие шары... *знаешь*, китайские шары равновесия... (В. Сорокин. Лёд).

- das sind *nämlich*... das sind so Kugeln, wie die chinesischen, die man in einer Hand drehen muss.

К сожалению, имеющиеся как одноязычные, так и двуязычные словари по разным причинам не учитывают все три приведенных типа употреблений. На наш взгляд, двуязычный словарь, отвечающий современным требованиям, должен учитывать все три типа употреблений, выделяя их как отдельные значения, хотя бы потому, что они чрезвычайно различаются по своим моделям перевода¹. Сравним возможный способ словарного представления этого слова в немецко-русском словаре:

nämlich (не несёт фразового ударения) I *сj adv* (в значении пояснения сказанного и указания на причину) дело в том, что...; ведь; er kann

¹ Естественно, в словаре учитываются только нормативные словоупотребления, а не эксплуатационные сдвиги (по П. Хэнксу).

heute nicht kommen, er ist ~ krank он не (с)может сегодня прийти, дело в том, что он болен; nach allem, was passiert war, hatte ich ~ noch keinen großen Appetit после всего, что было, есть мне по понятным причинам как-то ещё не хотелось II *cj* а именно, то есть; es ist nur an einem Tag im Jahr möglich, ~ an Weihnachten это возможно только раз в году, а именно на Рождество; *может обособляться в самостоятельное высказывание*: – Das Gerät ist in mehrfacher Hinsicht gut. – ~? – Прибор хорош для нескольких целей. – Каких именно? III *prtc* вот, знаешь; ich habe ~ eine Bitte an dich знаешь, у меня к тебе просьба; das war ~ so это было вот так.

Заключительные замечания

Какие новые возможности открывает понятие типов информации для двуязычной лексикографии? Во-первых, оно помогает структурировать словарную статью, выделяя в ней зоны и подзоны для записи информации определенного типа. Также благодаря этому понятию определяется и унифицируется метаязык описания: для двуязычного словаря это разные типы помет и комментариев. Во-вторых, каждый отдельно взятый тип информации требует выделения определенной группы слов, объединяемой тем или иным признаком (ср. лексикографический тип по Ю.Д. Апресяну). В-третьих, ориентированность на типы информации позволяет рассматривать двуязычный словарь не как набор отдельных лексических единиц с их переводами на другой язык, а как результат сопоставления лексических систем двух языков. Из этого следует, что с помощью понятия типов информации двуязычная лексикография вводится в сферу академической науки.

Литература

1. Зализняк А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.
2. Engelberg St. Gegenwart und Zukunft der Abteilung Lexik am IDS: Plädoyer für eine Lexikographie der Sprachdynamik // M. Steinle, Fr. J. Berens (Hrsg.). Ansichten und Einsichten. 50 Jahre Institut für Deutsche Sprache. Mannheim : Institut für Deutsche Sprache, 2014. S. 243–253.
3. Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. С. 260–300.
4. Фесенко О.П. Компьютерный словарь фразеологизмов дружеских писем пушкинской поры: проект дискурсивного динамического словаря // Вопросы лексикографии. 2016. № 1 (9). С. 82–98.

5. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складывевой. СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

6. Лукьянова Н.А. Рец. на кн.: Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / авт.-сост. Г.Н. Складывева, Е.Ю. Ваулина, И.О. Ткачева, Е.А. Фивейская; под ред. Г.Н. Складывевой. М.: Эксмо, 2006. 1136 с. (Библиотека словарей) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. 2007. Т. 6, вып. 2. С. 120–122.

7. Pasch R., Brauße U., Breindl E., Waßner U.H. Handbuch der deutschen Konnektoren. Bd 1: Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfen (Konjunktionen, Satzadverbien und Partikeln). Berlin; New York: De Gruyter, 2003. 823 s.

8. Breindl E., Volodina A., Waßner U.H. Handbuch der deutschen Konnektoren. Bd 2: Semantik. Berlin; New York: De Gruyter, 2014. 1327 s.

9. Grieve J. A Dictionary of Contemporary French Connectors. New York: Routledge, 2016. 544 p.

10. Métrich, R., Faucher Eu. Wörterbuch deutscher Partikeln. Berlin; New York: De Gruyter, 2010. 1036 s.

11. Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии. // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 33–160.

12. Добровольский Д.О. Беседы о немецком слове. Studien zur deutschen Lexik. М.: Языки славянской культуры, 2013. 752 с.

13. Meliss M. Wörterbücher von heute und morgen. Überlegungen zu lexikographischen Benutzersituationen im zweisprachigen Kontext: Spanisch-Deutsch // M.J. Domínguez Vázquez, E. González Miranda, M. Meliss, V. Millet (Hrsg.). La palabra en el texto. Festschrift für Carlos Buján. Santiago de Compostela: Universidade de Santiago de Compostela, 2011. S. 267–300.

14. Sava D. Überlegungen zu einem neuen zweisprachigen phraseologischen Wörterbuch Deutsch–Rumänisch // Lexikos. 2017. Vol. 27. S. 457–477.

15. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 265–304.

16. Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies // Language. 2010. № 86 (3). P. 663–687.

17. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.

18. Золотова Г.А. О характере нормы в синтаксисе // Синтаксис и норма / отв. ред. Г.А. Золотова. М.: Наука, 1974. С. 145–175.

19. Добровольский Д.О., Кретов А.А., Шаров С.А. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М., 2005. С. 263–296.

20. Duden online. URL: <https://www.duden.de> (Accessed: 11.12.2018).

21. DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache). URL: <http://www.dwds.de> (Accessed: 11.12.2018).

22. Апресян В.Ю. Семантика и ее рефлекс у наречий усилия и малой степени // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 16–34.

23. Зельдович Г.М. Наречия *едва* и *еле*: возвращаясь к теме // Вопросы языкознания. 1999. № 4. С. 114–123.
24. Hanks P., Bradbury J. Why do we need pattern dictionaries (and what is a pattern dictionary anyway)? // Kernerman Dictionary News. 2013. Vol. 21. P. 27–31.
25. Francis G., Hunston S., Manning E. Collins COBUILD Grammar Patterns 1: Verbs. London ; Glasgow : HarperCollins, 1996. 512 p.
26. Francis G., Hunston S., Manning E. Collins COBUILD Grammar Patterns 2: Nouns and Adjectives. London ; Glasgow : HarperCollins, 1997. 608 p.
27. Hunston S., Francis G. Pattern Grammar: A corpus-driven approach to the lexical grammar of English. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2000. 288 p.
28. Goldberg A. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago : University of Chicago Press, 1995. 272 p.
29. Goldberg A. Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language. Oxford : Oxford University Press, 2006. 290 p.
30. Hanks P. Lexical Analysis: Norms and Exploitations. Cambridge, MA : MIT Press, 2013. 478 p.
31. НКРЯ (Национальный корпус русского языка). URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 11.12.2018).

On Information Types in a Bilingual Dictionary

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 16, pp. 38–58.

DOI: 10.17223/22274200/16/3

Vladimir I. Karpov, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: wi.karpov@gmail.com

Dmitrij O. Dobrovol'skij, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Stockholm University (Stockholm, Sweden). E-mail: dobrovolskij@gmail.com

Vitaly A. Nuriev, Institute of Informatics Problems of the Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: nurieff.v@gmail.com

Keywords: bilingual lexicography, information types, cross-linguistic equivalence, German, Russian.

The article aims to make an inventory of the information types that an academic bilingual dictionary (i.e. a dictionary providing reliable information on lexical systems of the two contrasted languages) should contain. Empirical data were collected from the *New German-Russian Comprehensive Dictionary* (in three volumes, edited by D. Dobrovol'skij) and the upcoming *Active German-Russian Dictionary*. The authors argue that not only should the data get updated in dictionaries, but the principles of their structuring have to be regularly reconsidered in order to make them consistent with the trends in contemporary linguistic studies too. Today, we see quite clearly what types of lexicographic information an academic explanatory dictionary should contain; hence, there is an obvious need to adapt these principles to bilingual dictionaries. The specific feature of a bilingual dictionary is that it has to take into account the specificities of both the source language L1 and the target language L2. Describing types of

lexicographic information, relevant for a bilingual dictionary, the authors take into account the need: (1) to ensure a systematic description of the words of the same lexicographic type; (2) to reveal and record relevant characteristics of a word's formal behaviour, namely, its capacity to carry the phrase stress, the word's defective paradigm along with its inability to have some grammatical forms in certain meanings, etc. Information types of most interest and importance appear to be the following: (i) pronunciation particularities (including the accent allocation of the word's components and the phrase stress); (ii) grammatical characteristics; (iii) differentiation of meanings and translation of lexemes (i.e. cross-linguistic functional equivalence and the means to record it). Methodologically, this study relies on Ju.D. Apresjan's lexicographic works. Two principles he devised are central to dictionary of any kind: the principle of integrated description of a language (i.e. description in which the dictionary is tuned to grammar, and grammar to the dictionary) and the systematicity principle. According to the integration principle, any case in which the grammatical behaviour of a lexeme does not follow regular rules should be registered in a dictionary entry. Applying these principles in bilingual lexicography encounters additional difficulties; cf., for example, the cases in which two compared units of L1 and L2 show significant differences in their syntactic behaviour. The concept of information types opens up new perspectives in bilingual lexicography. First, it helps to structure a dictionary entry by dividing it into zones and sub-zones for registering information of a given type, which serves to unify the metalanguage of description. Second, for each information type, there should be a corresponding group of words that have a certain feature in common, i.e. when specifying an information type, there also arises a need to specify what words it characterizes, hence to define a group of words with a given common feature. Third, once we take into consideration different information types, a bilingual dictionary, then, becomes a result of contrasting lexical systems of two languages rather than just an inventory of lexical units and their translations. With this concept, bilingual lexicography enters the field of academic research.

References

1. Zaliznyak, A.A. (2001) Semanticheskaya derivatsiya v sinkhronii i diakhronii: proyekt "Kataloga semanticheskikh perekhodov" [Semantic derivation in synchrony and diachrony: project of the "Catalog of semantic transitions"]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 2. pp. 13–25.
2. Engelberg, St. (2014) Gegenwart und Zukunft der Abteilung Lexik am IDS: Plädoyer für eine Lexikographie der Sprachdynamik. In: Steinle, M. & Berens, Fr. J. (eds) *Ansichten und Einsichten. 50 Jahre Institut für Deutsche Sprache*. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache. pp. 243–253.
3. Rey, A. & Delesalle, S. (1983) Problemy i antinomii leksikografii [Problems and conflicts lexicographical]. Translated from French by I.Yu. Dobrokhotoва. In: Zevakhina, T.S. & Gorodetskiy, B.Yu. (eds) *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*. 14. Moscow: Progress. pp. 260–300.
4. Fesenko, O.P. (2016) Computer dictionary of phraseological units of friendly letters of Pushkin's time: a project of a discursive dynamic dictionary. *Voprosy*

leksikografii – Russian Journal of Lexicography. 1 (9). pp. 82–98. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/9/6

5. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (1998) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovyye izmeneniya* [Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Late 20th Century. Language Changes]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS, Folio-Press.

6. Luk'yanova, N.A. (2007) Rets. na kn.: *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka: Aktual'naya leksika* / avt.-sost. G.N. Sklyarevskaya, Ye.Yu. Vaulina, I.O. Tkacheva, Ye.A. Fiveyskaya ; pod red. G.N. Sklyarevskoy. M.: Eksmo, 2006. 1136 s. (Biblioteka slovarey) [Book Review: Sklyarevskaya, E.Yu. Vaulina, E.Yu., Tkacheva, I.O. & Fiveyskaya, E.A.. (2006) Explanatory Dictionary of the Russian Language at the Beginning of the 21st Century: Relevant Vocabulary. Edited by G.N. Sklyarevskaya. Moscow: Eksmo. 136 p. (Library of Dictionaries)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Filologiya*. – *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 2 (6). pp. 120–122.

7. Pasch, R. et al. (2003) *Handbuch der deutschen Konnektoren*. Bd 1. Berlin; New York: De Gruyter.

8. Breindl, E., Volodina, A. & Waßner, U.H. (2014) *Handbuch der deutschen Konnektoren*. Bd 2. Berlin; New York: De Gruyter.

9. Grieve, J. (2016) *A Dictionary of Contemporary French Connectors*. New York: Routledge.

10. Métrich, R. & Faucher, Eu. (2010) *Wörterbuch deutscher Partikeln*. Berlin; New York: De Gruyter.

11. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2006) *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Linguistic Picture of the World and Systemic Lexicography]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 33–160.

12. Dobrovol'skiy, D.O. (2013) *Besedy o nemetskom slove. Studien zur deutschen Lexik* [Conversations about the German Word. Studien zur deutschen Lexik]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

13. Meliss, M. (2011) Wörterbücher von heute und morgen. Überlegungen zu lexikographischen Benutzersituationen im zweisprachigen Kontext: Spanisch-Deutsch. In: Domínguez Vázquez, M.J. et al. (eds) *La palabra en el texto. Festschrift für Carlos Buján*. Santiago de Compostela: Universidade de Santiago de Compostela. pp. 267–300.

14. Sava, D. (2017) Überlegungen zu einem neuen zweisprachigen phraseologischen Wörterbuch Deutsch–Rumänisch. *Lexikos*. 27. pp. 457–477.

15. Shcherba, L.V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Moscow: Nauka. pp. 265–304.

16. Haspelmath, M. (2010) Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies. *Language*. 86 (3). pp. 663–687.

17. Gak, V.G. (1998) *Yazykovyye preobrazovaniya* [Language Transformations]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kul'tury”.

18. Zolotova, G.A. (ed.) (1974) *Sintaksis i norma* [Syntax and Norm]. Moscow: Nauka. pp. 145–175.

19. Dobrovol'skiy, D.O., Kretov A.A. & Sharov, S.A. (2005) *Korpus parallel'nykh tekstov: arkhitektura i vozmozhnosti ispol'zovaniya* [Corpus of parallel texts:

architecture and possibilities of usage]. In: *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005* [Russian National Corpus: 2003–2005]. Moscow: Indrik. pp. 263–296.

20. *Duden online*. [Online]. Available from: <https://www.duden.de>. (Accessed: 11.12.2018).

21. *DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache)*. [Online]. Available from: <http://www.dwds.de>. (Accessed: 11.12.2018).

22. Apresyan, V.Yu. (1997) Semantika i yeye refleksy u narechiy usiliya i maloy stepeni [Semantics and its reflexes in adverbs of effort and a small degree]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 5. pp. 16–34.

23. Zel'dovich, G.M. (1999) Narechiya yedva i yele: vozvrashchayas' k teme [Adverbs yedva and yele: returning to a subject]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 4. pp. 114–123.

24. Hanks, P. & Bradbury, J. (2013) Why do we need pattern dictionaries (and what is a pattern dictionary anyway)? *Kernerman Dictionary News*. 21. pp. 27–31.

25. Francis, G., Hunston, S. & Manning, E. (1996) *Collins COBUILD Grammar Patterns 1: Verbs*. London; Glasgow: HarperCollins.

26. Francis, G., Hunston, S. & Manning, E. (1997) *Collins COBUILD Grammar Patterns 2: Nouns and Adjectives*. London; Glasgow: HarperCollins.

27. Hunston, S. & Francis, G. (2000) *Pattern Grammar: A corpus-driven approach to the lexical grammar of English*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

28. Goldberg, A. (1995) *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press.

29. Goldberg, A. (2006) *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford: Oxford University Press.

30. Hanks, P. (2013) *Lexical Analysis: Norms and Exploitations*. Cambridge, MA: MIT Press.

31. *Russian National Corpus*. [Online]. Available from: www.ruscorpora.ru. (Accessed: 11.12.2018).